

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.
День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

(«Вечер», 1909)

Мне приходилось встречать в разных публикациях этот бунинский сонет, усеченный до двух начальных четверостиший. Мол, главное передано, — зачем же тянуть? Но этого нельзя делать! Сонет — строгая законченная форма, радость и гордость автора. При усечении (чуть не написала библейски-торжественное «усекновении») нарушается естественность поэтического полета. В данном случае исчезает последняя, ударная строка. «Все во мне» — ко всему еще переключка с Тютчевым: «*Все во мне, и я во всем*». Столь трудно достигаемое и так легко теряемое чувство божественной полноты жизни...

Вспоминаю один разговор с отцом Александром Менем. Речь зашла о поэтах Серебряного века и революции 1917 года. Прежде всего, о Блоке. Священник говорил, что к тому времени в душе поэта все было перевернуто, разрушено, и эти руины притянули хаос извне, тьма внутренняя — тьму внешнюю. Я бросалась защищать своего кумира, впрочем, довольно бездоказательно. Ибо аргументов и эрудиции не хватало... Так вот (это уже мое собственное предположение): здоровое зерно духа в Бунине оставалось всегда. Зло и добро, белое и черное никогда не менялись местами. Точно от рождения он носил в себе некий незримый противовес, не допускающий интеллектуальных сальто-мортале.

Нелепо искать в его стихах газетно-гражданской направленности. Тонкий живописец в поэзии, свою боль и гнев он предпочел выплеснуть в прозе, главным образом в «Окаянных днях». А стихи, как правило, оставались стихами. Впрочем, уже в конце 16-го года он поставил точный диагноз тому, что грядет:

Ходили в мире лже-Мессии, —
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам их в литургии
И речь — бряцающий кимвал.
Своекорыстные пророки,
Лжецы и скудные умы!
Звезда, что будет на востоке,
Еще среди глубокой тьмы.
Но на исходе сроки ваши:
Вновь проклят старый мир — и вновь
Пьет сатана из полной чаши
Идоложертвенную кровь.

Тут что ни строка, то заимствование или переосмысление слов из Библии. Всегда, пересказывая стихи презренной прозой, испытываю чувство смущения и вины перед автором. Но не хочется, чтобы читатель просто скользнул взглядом по строкам этого предельно гражданского для Бунина двенадцатистишия, созданного на сломе эпох...